

ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА)

П.А. Барахвостов

Белорусский государственный
экономический университет,
220070, Белоруссия, Минск, Партизанский просп., 26

Поступила в редакцию 24.08.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-3
© Барахвостов П. А., 2021

В рамках исторического неинституционализма на примере распада Ливонской конфедерации и последующего переформатирования Балтийского региона в XVI–XIX веках исследованы особенности постбифуркационного включения социума в другую социальную систему. Выделены различные модели подобного включения: централизованная с копированием институтов принимающего социума; квазицентрализованная с трансплантацией модифицированных институтов; автономистская с трансплантацией отдельных институтов принимающего социума; автономистская с трансплантацией модифицированных институтов. Проанализированы механизмы, посредством которых может осуществляться слияние. Показана их зависимость от институциональной среды принимающего социума. Например, при инкорпорации части Ливонии в Речь Посполитую использована модель, основанная на трансплантации на приобретенные территории институтов (в первую очередь политических) Речи Посполитой, для чего задействован механизм положительной (стимулирующей) обусловленности в отношении дворянства, без акцента на его стратификацию. Швеция использовала модель включения Эстляндии и Лифляндии на условиях их автономизации при осуществлении трансплантации экономических, политических, социокультурных институтов, в том числе гибридного типа, применив механизмы положительной обусловленности и социализации в отношении более широких слоев населения. В основе российского подхода — определяемый фактором безопасности выбор различных моделей слияния, включая автономистскую с внедрением на новых территориях институтов гибридного типа и централизованную с распространением институтов Российской империи. В качестве механизмов слияния задействованы формирование остзейской сословной структуры и обусловленность — положительная в отношении высших сословий и отрицательная (ограничительная, репрессивная) в отношении низших. В целом на характер слияния социумов и институциональные трансплантации на присоединяемых территориях оказывает влияние фактор наличия государственного прошлого этих территорий и степень его совпадения с институциональной структурой центра.

Ключевые слова:

институты, институциональные трансформации, социальная структура, империя, автономия

Введение

Сложные процессы турбулентности в современном мире, интеграционные/деинтеграционные явления, межэтнические конфликты, попытки пересмотра послевоенных границ актуализировали проблему исследования институциональных

Для цитирования: Барахвостов П. А. Переформатирование геополитического пространства и институциональные трансформации (на примере Балтийского региона) // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 3. С. 42–57. doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-3.

трансформаций в социальных системах в результате переформатирования геополитического пространства.

Следует отметить, что, несмотря на различное толкование этого концепта [1], как правило, институты рассматриваются как устойчивые модели взаимодействий в социуме, определенные способы действий и суждений, существующих в обществе вне отдельно взятого индивидуума [2, с. 20]. По определению Д. Норта, это «правила игры», которые структурируют социальное действие [3]. Зачастую они заимствуются (трансплантируются) из иной институциональной среды. Существует ряд технологий, позволяющих облегчить данный процесс: модификация трансплантата [4], локальная трансплантация в пределах не всей страны, а ее отдельного региона [5], заимствование института из прошлого страны-донора на любой стадии его развития [6], «построение последовательности промежуточных институтов, соединяющих начальную конструкцию с финальной, соответствующей трансплантируемому институту» [7]. При этом существенна роль агентов, посредством которых данные трансплантации осуществляются [8].

К настоящему времени на основе изучения исторического прошлого стран и народов накоплен богатый эмпирический материал относительно институциональных заимствований. Авторами проанализирован опыт англосаксонского мира [9–11]. Значительно менее изучены события в Балтийском регионе. При этом заслуживают внимания исследования [12; 13], где выявлены особенности права и судебной системы Ливонии в период шведского владычества. «Польскому периоду» в истории этих территорий, в частности специфике административного управления, конфессиональной политике польских властей, а также социальным трансформациям в Ливонии в XVI–XVIII веках, посвящены работы [14–18]. Следует отметить, что авторы, как правило, фокусируют внимание на отдельных аспектах проблемы институциональных изменений, анализируя эволюцию экономических либо определенных политических институтов. Однако общество представляет собой социальную систему, образованную *тремя взаимосвязанными и взаимозависимыми подсистемами* (экономической, политической и социокультурной) [19], формирующими его как целостное интегрированное образование. Это обуславливает необходимость рассмотрения институциональной трансплантации как сложного процесса, охватывающего все указанные сферы. Кроме того, крайне слабо в рамках институционального подхода изучен случай *постбифуркационного*¹ включения социума в другую социальную систему. Тем не менее он представляет интерес, поскольку зачастую связан с опытом различных стран в имперский период государственности, когда процесс слияния заключался в осуществлении институциональных трансплантаций на новоприобретенные земли при необходимости сохранения мегагосударства, что вынуждало согласовывать интересы многих субъектов общественных отношений. Исследование механизмов и инструментов таких трансплантаций представляет интерес для выработки оптимальной системы управления социумом с многонациональным и многоконфессиональным составом населения, позволяет анализировать возможные пути развития интеграционных мегаструктур и цивилизаций.

Цель данной работы — на примере процессов геополитического переформатирования Балтийского региона в XVI–XIX веках выделить и проанализировать различные модели слияния социальных систем и характерные для них механизмы и инструменты осуществления институциональных трансформаций.

Анализируемый в статье случай представляет интерес, поскольку связан с опы-

¹ Точка бифуркации — определенный исторический момент, принципиально допускающий несколько вариантов (траекторий) дальнейшего исторического развития. Вблизи точки бифуркации наблюдается кризис. При прохождении ее возможны как сохранение, так и распад социума.

том локальных институциональных трансплантаций в империях с различными системами государственного управления. Кроме того, ранее существовавшие институты оказывают влияние на экономический уклад, определяют менталитет народа, его политическую культуру [20]. Соответственно, удавшиеся и неудачные институциональные трансплантации прошлого опосредованно проявляются в настоящем и будущем социума. Поэтому для всеобъемлющего понимания особенностей развития Балтийского региона и прогнозирования его путей в XXI веке необходим детальный анализ институциональных трансформаций, соответствующих предшествующим историческим этапам.

Методология

Методологической основой исследования является исторический неинституционализм. Работа базируется на холистическом подходе, когда фокус анализа направляется на рассмотрение институциональной системы в целом, а не на поведение индивидов. Системно-исторический метод использован для описания эволюции общества. Кроме того, применен сравнительно-типологический метод анализа, на основе которого осуществлена типология моделей интеграции социумов.

В процессе подготовки работы привлечены данные Полного собрания законов Российской империи (ПСЗРИ)² и материалы Российского государственного исторического архива (РГИА)³.

Ливония — «первая немецкая колония»

Рассмотрим вначале, что же представляла собой Ливония. К концу XII века племена, проживавшие на территории современных Латвии и Эстонии, оставались язычниками [21]. Их христианизация началась немецкими крестоносцами, а также датчанами и шведами, обратившими внимание на Северную Эстонию (Эстляндию). К середине XIV столетия Тевтонский орден, превратившийся в одну из ведущих сил в регионе, объединил территории, заселенные разрозненными местными племенами (ливами, земгалами, куршами, латгалами и эстами), в Terra Mariana — «Землю Девы Марии» — в составе Орденского государства. Terra Mariana, известная также как Ливония, стала, по образному выражению Т. Шиманна, «первой немецкой колонией» (цит. по: [22]): в течение почти семисот лет немцы формировали на этих землях элиту, которая доминировала в политической, экономической и социальной жизни.

Подавляющая часть территории Ливонии контролировалась Орденом с характерной для него централизацией власти, что определило формирование здесь базовых институтов редистрибутивного типа: экономические институты редистрибуции (аккумуляции — согласования — распределения), общественно-служебную собственность, общественный/служебный труд, жалобы в виде обратной связи, институты унитарно-централизованного политического устройства и идеи коммунитаризма. Кроме того, отдельным центром силы в Ливонии были епископства Курляндское, Дерптское, Эзель-Викское и Рижское архиепископство. Важную роль играли города, входившие в Ганзейскую лигу (в первую очередь Рига) и поддерживавшие отношения более чем со ста торговыми центрами Европы, куда поставлялись местные товары: зерно, воск, меха, лен, древесина [23]. Создание Ганзы способствовало проникновению в Балтийский регион германского муниципального права и закона Любека, которые делали города свободными, независимыми от феодалов. Заслужи-

² Полное собрание законов Российской империи. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 03.07.2020).

³ Российский государственный исторический архив. URL: <https://rgia.su/> (дата обращения: 03.07.2020).

вадет внимания торговый механизм в Ганзе: торговля организовывалась двумя или более партнерами путем совместных инвестиций и пропорционального разделения доходов и потерь. Партнерские отношения продолжались в течение одного-двух лет, однако торговцы, как правило, вступали в целый ряд партнерств, занимавшихся поставками и продажей разнообразных товаров. Четыре офиса (в Новгороде, Бергене, Лондоне и Брюгге) образовывали высшее звено организационной структуры не германской части Ганзейской лиги. Каждый из них обладал избранным главой, своим законом, определенной сферой юрисдикции, казначейством. Эти офисы обеспечивали реализацию общих интересов купцов Ганзы, договаривались с монархами и были важными центрами взаимодействия между всеми городами Лиги [24—26]. Ганза и ее немецкое происхождение внесли значительный вклад в формирование базовых институтов рыночного типа, к числу которых относятся отношения купли-продажи, частная/личная собственность, наемный труд, прибыль в виде обратной связи, федеративные начала государственного устройства, идеи субсидиарности.

Конфликты между Орденом, епископами и могущественными ганзейскими городами стали обычным явлением на протяжении всего существования Ливонии. Для разрешения непрекращающихся споров в 1419 году был сформирован Ливонский парламент (ландтаг), включивший членов Ордена, епископов, представителей городов. Тем не менее созданный институт не смог урегулировать внутренние противоречия. Со временем экономически процветающая Ливония превратилась в религиозно-политическую конфедерацию со слабой властью и сословным делением колониального типа (правящая и состоятельная элита — пришлые немецкие колонизаторы, низшие сословия — местное население), что вызывало регулярные крестьянские волнения. Ее окончательному распаду способствовала Реформация, сделавшая лютеранство ведущей религией на ливонских территориях [27] и обусловившая религиозный конфликт внутри страны. Ливонская война 1558—1583 годов, положившая начало экспансии Московского государства в Прибалтике [28], закрепила раздел территории Ливонской конфедерации на части, пошедшие различными историческими путями (табл. 1) [21; 23], что обусловило гетерогенность юго-восточной части Балтийского региона.

Таблица 1

Правление в различных частях Ливонской конфедерации после ее распада

Территория	Правление ВКЛ (Речи Посполитой)	Правление Швеции	Правление Российской империи
Эстляндия	—	1561—1721 (Шведская Эстляндия)	1721—1918 (Ревельская, впоследствии Эстляндская губерния)
Лифляндия	1561—1629 (часть Задвинского герцогства, или Польских Инфлянтов)	1629-1721 (Шведская Ливония)	1721—1918 (Лифляндская губерния)
Латгалия	1561—1772 (часть Задвинского герцогства, или Польских Инфлянтов, до 1629 года, после — Инфлянтское воеводство)	—	1772—1918 (вошла в Витебскую губернию)
Курляндия	1562—1795 (вассал ВКЛ, с 1569 года — Речи Посполитой)	—	1795—1918 (Курляндская губерния)

Владычество Речи Посполитой

После распада Ливонской конфедерации ее значительная часть оказалась под властью Великого княжества Литовского (ВКЛ) (с 1569 года — Речи Посполитой), в составе которого образовалось Задвинское герцогство, также называемое Инфлянтами (Лифляндией). Сначала эти земли воспринимались лишь как военный форпост в борьбе с Москвой. С целью безопасности планировалось разобрать все замки, не задействованные в защите границ государства, и обезлюдившую после войны территорию заселить военными колонистами. Таким образом, ВКЛ руководствовалось централизованной моделью слияния социумов, основанной на сохранении единого центра, с копированием институтов княжества на новые земли.

Впоследствии отношение к приобретенным территориям изменилось. При слиянии необходимо было учесть местную специфику, что потребовало выбора иной модели и времени. Начало первому этапу в этом процессе положила грамота Привилегии Сигизмунда Августа (*Privilegium Sigismundi Augusti*) в 1561 году элите, игравшей ведущую роль в экономической, политической и культурной жизни распавшейся Ливонской конфедерации. В соответствии с грамотой были подтверждены система властных отношений, основанная на самоуправлении аристократии. Кроме того, в документе утверждалось: «Грамоты на жалованные имения и ленные владения, утвержденные печатями акты, аренды, обычные владения, привилегии, вольности и все, что присвоено и поступило во владение от пользования продолжительным временем, все это будет удержано нерушимо и подтверждено»⁴. Право наследования распространялось и на боковые родовые линии, причем даже при продаже своих владений дворяне не обязаны были получать на это разрешение короля. В случае утраты ленных грамот для доказательства своих прав на владение достаточно было предоставить со стороны вассала двух или трех свидетелей, чтобы король приказал заменить утраченный документ на новый. Крестьяне полностью отдавались во власть феодалов, которые получали право суда и наказания, вплоть до приведения в исполнение смертной казни. Феодал отныне также мог присваивать крестьянские земли для того, чтобы выпрямить границы своих владений. Отметим, что институциональные трансплантации, осуществляемые ВКЛ на новые земли на первом этапе, были не чем иным, как внешним управлением процесса распространения локального, апробированного на *местной* почве права (привилегии харьовирландского рыцарства) на всю провинцию.

Следующим этапом стало введение Собранием законов Ливонии⁵ (*Constitutiones Livoniae*) в 1582 году нового административно-правового устройства. Были образованы округа с полномочиями их глав, аналогичными таковым для воевод в королевстве Пруссия. В качестве институтов самоуправления определялись ландтаги, которые обладали правом утверждать в должности. «Собрание законов Ливонии» включало также ряд социальных нововведений, в частности аристократия получила право приобретать недвижимое имущество представителей городских привилегированных сословий, а те, в свою очередь, — земельные владения феодалов. Следовательно, «Собрание законов» устраняло разграничения в правах между обеими социальными группами. Данный документ подтверждает начало трансплантации на новоприобретенные земли ряда модифицированных политических институтов Речи Посполитой.

⁴ *Документы к истории присоединения Ливонии к Польше* // Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Livonia/XVI/1560—1570/Dok_prisoed_liv_k_polse/text.phtml?id=11871 (дата обращения: 04.07.2020).

⁵ В документах Речи Посполитой термин «Ливония» применен к землям Ливонской конфедерации, отошедшим к Речи Посполитой.

Следующий этап инкорпорации новых территорий в Речь Посполитую связан с имплементацией Вторых статутов «*Ordinatio Livonica II*» 1598 года. В соответствии с данным документом округа (*Präsidiat*) были переименованы в воеводства, а лица, возглавляющие их, получили место и право голоса в Сейме Речи Посполитой. Теперь все должности и чины в Ливонии были доступны не только для выходцев из Речи Посполитой. Каждую должность теперь занимали поочередно представители Польши, ВКЛ и Ливонии. Ливонцы получали право подавать наказания и прошения Сейму и королю. Таким образом, инкорпорированные территории встраивались в политическую систему Речи Посполитой.

Четвертый этап интеграции новоприобретенных земель в Речь Посполитую связан с принятием в 1607 году нового Основного закона для Ливонии, еще более расширившего привилегии ливонского рыцарства: ливонцы получали право свободного доступа к высоким должностям и чинам на всей территории Речи Посполитой. Теперь ранг Ливонии ничем не уступал другим частям государства, ливонское дворянство было полностью уравнено в правах с польско-литовской шляхтой. Примечательно, что ливонский ландтаг номинально продолжал существовать, хотя теперь в основном он играл роль института для получения информации от правительства Речи Посполитой о проводимой политике.

Как видно, Речь Посполитая, будучи сама не унитарным государством, а федерацией, задействовала квазицентрализованную модель инкорпорации доставшихся ей земель Ливонии, которая предполагает присоединение новых территорий без изменения количества центров силы. Это достигается при использовании следующих технологий: управление распространением местных локальных институтов на всю провинцию, поэтапная модификация институциональной среды провинции в направлении ее гомогенизации с принимающей социальной системой. Отметим, что на всех стадиях Речь Посполитая активно задействовала механизм положительной обусловленности, заключающийся в предоставлении привилегий определенной социальной страте в обмен на лояльность и/или поддержку. Особенности политического устройства Речи Посполитой определили эту страту — дворянство.

Важным инструментом инкорпорации приобретенных территорий считалась религия. Власти Речи Посполитой, используя механизм социализации, проводили политику полонизации, что проявлялось в поощрении принятия католической веры и расширении сферы использования польского языка (в частности, при делопроизводстве) [25 — 27].

Что касается Курляндии (вассала ВКЛ, с 1569 года — Речи Посполитой), в данном случае использовалась автономистская модель с трансплантацией модифицированных институтов. В 1561 году поместьям герцогства были гарантированы обширные привилегии, сохранившиеся вплоть до распада Речи Посполитой. Были подтверждены система управления, основанная на самоуправлении немецкой аристократии; право исповедовать протестантизм, что является модификацией института свободы вероисповедания; права дворянства (*Indigenatsrecht*) [21]. На протяжении десятилетий Курляндии дозволялось владеть военно-морским и торговым флотом. Она даже приобрела две колонии: в Африке (Гамбия) и Карибском бассейне (Тобаго) [21; 31]. Однако существенных успехов в экономическом и политическом развитии в период вассальной зависимости от Речи Посполитой Курляндскому герцогству достичь не удалось, что обусловило кризис, завершившийся вхождением Курляндии в состав Российской империи [27; 32].

Политика Речи Посполитой в отношении распавшейся Ливонской конфедерации позволяет отнести ее к составному (композиционному) государству. Впервые данный термин был употреблен Г. Г. Кенигсбергером при анализе особенностей формирования раннемодернового государства и взаимодействия монархической и парламентской форм правления. Г. Г. Кенигсбергер подчеркнул, что монархи

в раннемодерновую эпоху не обладали абсолютной властью (во всяком случае во всех регионах государства). Монархическая власть зачастую соседствовала с парламентами и/или национальными ассамблеями [33, р. 202]. Композитное государство представляло собой своеобразный союз [34], каждая часть которого (или хотя бы ее элита) имела особое отношение к общему правителю, свои привилегии и законы, свою административную систему. В вопросах налогообложения или военной службы правитель должен был вести переговоры с каждой территорией отдельно [35, р. 194]. Как следует из вышеизложенного, по отношению к присоединенным и вассальным территориям композитное государство использовало широкий спектр институционального воздействия.

Владычество Швеции

Швеция приобрела две крупные области Ливонской конфедерации: Эстляндию (1561) и Лифляндию (1629). Первая из них оказалась под властью Шведской короны непосредственно в результате Ливонской войны, вторая же испытала непродолжительный период трансплантации институтов Речи Посполитой. Каким же образом это нашло отражение в институциональных трансформациях в шведский период?

Модель шведского правления в Эстляндии можно охарактеризовать как автономистскую с реставрацией и сохранением германских структур распределения власти. В 1561 году король пообещал сохранить на этих землях старые привилегии и законы и подтвердил права собственности, оставив частные поместья в руках прежних владельцев (немецких дворян).

Модель правления Швеции в Лифляндии также является автономистской. Однако в данном случае влияние шведских политических, экономических и социокультурных институтов оказалось сильнее. Шведские короли так и не утвердили привилегии Сигизмунда Августа 1561 года для Лифляндии. Епископские и орденские земли получили статус государственных. Со временем шведский король стал раздавать их в лен шведскому дворянству, которое зачастую освобождало крестьян [36, р. 264]. Значительная иммиграция шведского дворянства изменила этническую структуру правящих элит в Лифляндии и послужила причиной распространения здесь шведских традиций.

Различные подходы к землям Эстляндии и Лифляндии свидетельствуют о том, что Швеция представляла собой композитное государство. Для его развития необходима экономическая перестройка приобретенных территорий. Этому вопросу Швеция уделяла огромное внимание. Приоритетной задачей в Эстляндии и Лифляндии было производство зерна (ржи и ячменя), большая часть которого экспортировалась в Швецию и Голландию. При этом преимущественное развитие зернового хозяйства осуществлялось по экстенсивному типу (путем увеличения посевных площадей, что происходило, как правило, посредством захвата крестьянской земли), за счет других отраслей.

Кроме того, для композитного государства характерно стремление к уменьшению числа центров силы внутри социума за счет снижения влияния независимых городов и аристократии [37, р. 87]. В последние десятилетия XVII века эта задача решалась шведскими властями посредством редукции имений (возвращения назад государству прежних казенных земель, которые в свое время были переданы дворянству незаконным путем). Если прежние владельцы соглашались вносить в казну установленную арендную плату, то им оставляли имения; если нет — их передавали в аренду новым лицам. В результате редукции более 80% земель отошли в руки шведской короны [38, р. 18]. При этом в Лифляндии, например, в казенную собственность перешло $\frac{5}{6}$ частных угодий.

Шведский прагматизм и желание увеличить стоимость и доходность казенных имений побудили правительство заняться улучшением положения крестьян. В 1632

году дворяне были лишены права уголовного суда над крестьянами, оставлено только право домашних наказаний. В 1680 году введены оценочные правила и полная податная система, препятствующая произволу помещиков. Произведены переоценка и картографирование земель, повинности крестьян были строго регламентированы в соответствии с величиной дворов и качеством земель, что находило отражение в вакенбухах.

Крестьяне получали доступ в учебные заведения, за ними признавалось право собственности на все заработки и недвижимое имущество, а также право подачи жалоб на своих владельцев высшим местным судебным и административным инстанциям. Кроме того, были установлены высокие штрафы с арендаторов за превышение повинностей в отношении казенных крестьян, запрещалось использовать их на работе в чужих имениях, урезать крестьянские земли.

Редукция и проведенные реформы аграрных отношений изменили социальную структуру общества, что особенно заметно было в Лифляндии. Для дворянства утрата собственности на землю стала равносильной утрате прав. Сложилась его своеобразная зависимость от шведской короны: для того чтобы поддерживать прежний уровень жизни, дворяне должны были пойти на военную либо административную службу. Потребность в карьерном росте запустила процесс ассимиляции прибалтийской элиты со шведским дворянством. Крестьяне же, получив свободу, что не было редкостью в шведских имениях Лифляндии, могли иметь свои фермы, переходили в разряд собственников.

Экономические и социальные изменения на новых территориях сопровождались политическими преобразованиями. Приобретенные земли не были представлены в парламенте Швеции (единственным исключением являлась Рига вследствие ее значимости для развития торговли), однако им было предоставлено право иметь собственные ландтаги. Примечательно, что последние обладали возможностями предлагать внутренние пошлины и обращаться с местными инициативами непосредственно к королю или губернатору (впоследствии генерал-губернатору) как его представителю в провинции.

Ландтаг (главный инструмент автономии территории) с 1634 года возглавлял ландмаршал (*Landmarschall*), избираемый на три года и служащий посредником рыцарства и короны. В 1643 году Швеция также создала Ландратсколлегиум. Данный орган, включающий ландратов (дворянских советников), задумывался как совещательный при генерал-губернаторе из представителей местного дворянства. Однако на практике его функции оказались значительно урезанными (как правило, внутренними проблемами дворянства).

Кроме того, в шведскую эпоху была предпринята попытка изменения системы церковного управления. В Эстляндии государство назначило епископа, возглавившего церковь. Ему должна была оказывать помощь духовная консистория, в которую не входили светские члены. Юрисдикция епископа в Эстляндии была ограничена исключительно церковными делами. В Лифляндии была осуществлена попытка транслировать шведскую модель управления церковными делами — создать так называемую церковь пасторов, где все вопросы, связанные с приходом, решались непосредственно пастором, делая его зависимым не от местного феодала, а от шведской короны, что обусловило процесс ассимиляции ливонского со шведским духовенством.

Государственным языком в период шведского правления оставался немецкий. Однако задача распространения протестантизма среди местного населения, в первую очередь посредством проповеднической деятельности, вызвала необходимость развития эстонского и латышского языков и системы образования в целом, что было осуществлено за счет создания начальных школ, открытия учительской семинарии и университета в Дерпте [21; 27].

Отметим ограниченный характер шведских нововведений, обусловленный яростным сопротивлением немецкого дворянства (в 1693 году Карл XI должен был даже распустить ландтаг Лифляндии из-за объединения внутри него сил против проведения редукации), «великим голодом» 1695—1697 годов, Северной войной. Карл XII 13 апреля 1700 года объявил редукацию официально законченной. Часть государственных имений была возвращена помещикам под залог, а регламентация повинностей стала утрачивать свое действие.

Таким образом, особенности политико-экономического развития Швеции обусловили используемые этим государством механизмы институциональных трансплантаций на новоприобретенных землях: положительной обусловленности (причем не только в отношении дворянства, но и крестьянства), социализации. Следует отметить, что в отличие от Речи Посполитой значительное внимание уделялось трансплантации на новые территории экономических и социокультурных институтов.

Остзейские губернии в составе Российской империи

После вхождения Эстляндии и Лифляндии в состав Российской империи начался процесс их встраивания в институциональную систему России. В нем можно выделить несколько наиболее важных этапов. Для первого из них, совпавшего со временем правления Петра I, характерно создание «государства в государстве», что характерно для автономистской модели слияния социумов. На новых землях сохранялся порядок управления и судопроизводства, сложившийся в предыдущие столетия: права и привилегии дворянства, сословные органы самоуправления, господство лютеранской церкви, немецкий язык в качестве официального, различия в обложении податями (взимание государственных податей только с крестьянских хозяйств). Во главе каждой губернии был поставлен губернатор, подчиняющийся высшему правлению обеими губерниями в лице представителя центральной российской власти — генерал-губернатора, отвечающего за внутренний порядок и безопасность. Заместителями губернатора и чиновниками в административном аппарате края назначались, как правило, немецкие дворяне. Все вопросы, касающиеся жизни губернии, избрания чиновников местного самоуправления, суда, полиции, обсуждались на ландтагах, собиравшихся раз в три года. Их постановления имели силу закона для местного населения. Примечательно, что членами ландтага с правом полного голоса могли быть только представители привилегированных дворянских семей, которые владели землями в провинции еще во времена Тевтонского ордена, польского и шведского владычества. В перерывах между ландтагами губерниями руководили ландраты (земские советники), избравшиеся из представителей наиболее родовитых семей. Городами руководили магистраты, представлявшие интересы городского дворянства и купечества. Лидирующее положение здесь занимали немецкие бюргеры, объединенные в свои замкнутые корпорации. Провинции обязаны были нести налоговую повинность перед имперской казной на уровне существовавших при шведском правлении, местные сборы поступали в бюджет территории.

Кроме того, разрешалась торговля товарами иностранных мануфактур и фабрик с запрещением их ввоза во внутренние губернии⁶. Это способствовало экономической обособленности провинции.

Несмотря на сохранение ряда немецко-шведских институтов, все же некоторые из них были ликвидированы, что обусловила российская специфика, в частности существовавшие в России аграрные отношения. Так, например, больше не приме-

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649—1825 гг. СПб., 1830 (ПСЗРИ-1). Т. 5. № 3271.

нялись шведские правила определения повинностей и барщинных работ. Крестьянам запрещалось продавать свою продукцию на городских рынках. Они могли продавать ее только помещику, который определял цену.

В целом политика Петра I в отношении остзейских губерний представляла собой своеобразную попытку апробирования эффективности несколько измененного (за счет трансплантации отдельных российских институтов, в частности исключения крестьян из товарно-денежных отношений) немецко-шведского порядка на российской почве.

Второй этап, направленный на сближение края с внутренними губерниями, связан с именем Екатерины II. Модель ее правления можно охарактеризовать как автономистскую с тенденцией к изменению в сторону квазицентрализованной. В этот период трансплантация российских институтов на новые земли осуществлялась значительно интенсивнее. Одной из первых екатерининских реформ стало объединение в 1782 году прибалтийских губерний с внутренними русскими губерниями в единой таможенной системе. Далее по указу от 3 июля 1783 года были открыты Рижское (Лифляндия) и Ревельское (Эстляндия) наместничества, и власть в Эстляндии и Лифляндии подпадала под контроль наместника.

Кроме того, в апреле 1785 года была обнародована Жалованная грамота дворянству, в соответствии с которой были предоставлены право дарения, завещания и продажи приобретенного имения, его неотчуждения, а наследования в случае осуждения владельца, право покупки деревень и продажи полученного в этих деревнях продукта, организации фабрик и заводов по деревням. Подтверждено право собственности «не только на поверхности земли, каждому из дворян принадлежащей, но и в недрах той земли и в водах, ему принадлежащих, на все сокровенные минералы и произрастания и на все из того делаемые металлы»⁷. Преобразовано местное самоуправление: учреждены губернские и уездные дворянские собрания для выбора должностных лиц местной администрации и суда. Для управления словесными делами учреждалась должность предводителя дворянства, созывались дворянские депутатские собрания и создавались опекунские советы. Одновременно ликвидировалась прежняя кастовая замкнутость прибалтийских рыцарств, и все слои дворянства становились равноправными участниками ландтага.

В апреле того же 1785 года была обнародована Жалованная грамота городам, расширявшая право общественного представительства и регламентировавшая статус городских жителей.

В целом деятельность Екатерины II была направлена на свертывание автономии остзейских губерний в составе России и ликвидацию политического господства местного дворянства, становившегося лишь привилегированным сословием. Публичной властью в Прибалтике признавались административные и судебные учреждения имперского центра.

Следует отметить, что в период правления Екатерины II в результате третьего раздела Речи Посполитой в состав Российской империи вошли еще две части Прибалтики — Курляндия и Латгалия. Последняя была включена в состав Витебской губернии — таким образом, к ней была применена централизованная модель инкорпорации. Что касается Курляндии, то, по указу императрицы, местным жителям было предоставлено свободное вероисповедание, за ними сохранена имеющаяся собственность, гарантировалась возможность пользоваться правами подданных России. Осуществление здесь губернской реформы 1795 года привело к введению

⁷ Жалованная грамота дворянству 17 апреля 1785 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoyi-prava-belarusi/kanstytutsynae-prava-belarusi/akty-rasiyskay-imperryi/zhalovannaya-gramota-dvoryanstvu/> (дата обращения: 02.07.2020).

уездного деления, штатов губернии, общих губернских и сословных учреждений (как и во внутренней части империи). Следовательно, в Курляндии использовалась квазицентрализованная модель включения новых земель в состав империи.

Третий этап, связанный с правлением Павла I, характеризуется использованием автономистской модели включения в состав империи приобретенных территорий на западных рубежах, что было обусловлено необходимостью обеспечения лояльности местного населения (в первую очередь элит) в условиях возрастания военной угрозы. Был осуществлен возврат к доекатерининской системе местного управления (кроме губернского правления и казенной палаты с казначейством⁸). Новацией стало введение вместо рекрутской повинности (существовавшей для внутренних губерний) специального налога⁹, что подчеркивает привилегированность положения территорий и осуществление институциональных трансплантаций модифицированного типа.

Следующий наиболее важный этап связан с осуществлением аграрной и городской реформ, начало которым положил Александр I. Поворот правительства к крестьянскому вопросу в Прибалтике был обусловлен прежде всего соображениями безопасности: возможные крестьянские волнения на западных границах империи представляли реальную угрозу. В 1816 году в Эстляндии и в 1819 году в Лифляндии осуществлено личное освобождение крестьян от крепостной зависимости без закрепления за ними земельных наделов. При этом основой отношений землевладельцев и лично свободных крестьян должно было стать обоюдное соглашение. Крестьянин мог заниматься только земледелием и был ограничен в выборе места жительства. Получение паспорта зависело от решения помещика.

В имениях было создано крестьянское самоуправление — волостная община. Назначение, деятельность и решения возглавлявших общину старшин находились под контролем помещиков. Выселение из пределов губерний было запрещено. На этом фоне происходит быстрое расслоение крестьянства: с одной стороны — слой крупных арендаторов, с другой — армия батраков и бобылей.

Тем не менее при проведении реформирования были учтены специфические особенности края. В частности, проведена кодификация, утвердившая остзейскую сословную структуру как связанную с правом собственности: рыцарские поместья могли покупать только представители остзейского дворянства, причем в Эстляндии — только имматрикулированного, владевшего здесь имениями еще во времена Ордена. Таким образом, к землевладению на этих землях был закрыт доступ не только помещикам и предпринимателям из внутренних губерний России, но и представителям зажиточных слоев сельского и городского населения края. Далее — в России реформа была ориентирована на создание института частной собственности на землю в среде крестьянства. В Прибалтике же крестьянство в основной своей массе должно было оставаться лишь арендаторами.

Городская реформа, проведенная в 1877 году, предусматривала переход управления в городах от магистратов, в основе формирования которых было цеховое деление, к городским думам, избиравшимся на основе имущественного ценза. Реформа подорвала всевластие немецкого бюргерства.

Отметим, что немецкие бароны активно противодействовали осуществлению реформ: распространение Судебных уставов 1864 года, где последовательно проводился принцип равенства перед законом, затянулось на десятки лет, а Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1864 года, предусматривавшее формирование «всесословных» учреждений, так и не было претворено в жизнь.

⁸ ПСЗРИ-1. Т. 24. № 17584.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 908. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 17.

Таким образом, в основе российского подхода к встраиванию Прибалтийского края в свою институциональную систему находились следующие принципы: выбор степени автономизма обосновывался в первую очередь соображениями безопасности империи; остзейская сословная структура была нерушимой и определяла специфику институциональных трансплантатов. В целом, несмотря на неоднократные попытки свертывания привилегий края, Прибалтика всегда обладала определенной степенью автономии. Благодаря первичным институтам, доставшимся от времен Ордена, а также последующим институциональным трансплантациям из различных по своей сути институциональных систем (Речи Посполитой, Швеции) край приобрел гетерогенность, не позволившую его полностью инкорпорировать, несмотря на высокую степень централизации в Российском государстве. Прибалтика превратилась в очаг «вестернизации» в Российской империи.

Заключение

Таким образом, исторический опыт прибалтийских земель демонстрирует различные модели включения социума в другую социальную систему: централизованная с копированием институтов принимающего социума; квазицентрализованная с трансплантацией модифицированных институтов; автономистская с трансплантацией отдельных институтов принимающего социума; автономистская с трансплантацией модифицированных институтов. Используемые при институциональных трансплантациях принципы, механизмы и инструменты в существенной степени зависят от институциональной системы государства-донора. В частности, Речь Посполитая первоочередное внимание уделяла трансферу политических институтов, причем в центре осуществляемых преобразований находилось дворянство в целом (без акцента на его стратификацию). Швеция рассматривала необходимость осуществления трансплантаций всех институтов (экономических, политических, социокультурных), используя механизмы положительной обусловленности и социализации. Значительное внимание уделялось ограничению всевластия немецко-прибалтийского дворянства. В основе российского подхода — первостепенное значение фактора безопасности для выбора модели взаимодействия «центр — регион» и неприкосновенность остзейской сословной структуры, которая рассматривалась как опора имперской политики.

В целом на характер институциональных трансплантаций оказывает влияние фактор наличия государственного прошлого присоединяемых территорий и степень его совпадения с институциональной структурой центра.

Список литературы

1. *Hendriks F.* Beleid, Cultuur en Instituties, Het Verhaal van Twee Steden. Leiden, 1996. URL: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/4972> (дата обращения: 14.06.2020).
2. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
3. *North D. C.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge, 1990. doi: 10.1017/CBO9780511808678.
4. *La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. W.* Law and Finance // *Journal of Political Economy*. 1998. Vol. 106, № 6. P. 1113—1154. doi: 10.1086/250042.
5. *Roland G.* Transition and Economics. Politics, Markets and Firms. Cambridge, Massachusetts, 2000.
6. *Stiglitz J.* Distinguished Lecture on Economics in Government. The Private Uses of Public Interests: Incentives and Institutions // *Journal of Economic Perspectives*. 1998. Vol. 12, № 2. P. 3—22. doi: 10.1257/jep.12.2.3.

7. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24—50.
8. Dowd A. C., Pak J. H., Bensimon E. M. The role of institutional agents in promoting transfer access // Education Policy Analysis Archives. 2013. Vol. 21, № 15. URL: <http://epaa.asu.edu/ojs/article/view/1187> (дата обращения: 05.07.2020).
9. *The Theory and Practice of Institutional Transplantation. Experiences with Transfer of Policy Institutions* / V. Mamadouh, M. De Jong, K. Lalenis (eds.). Springer, 2002. doi: 10.1007/978-94-011-0001-4.
10. Judson P. M. Exclusive Revolutionaries: Liberal Politics, Social Experience, and National Identity in the Austrian Empire, 1848—1914 (Social History, Popular Culture, And Politics In Germany). Michigan, 1996. doi:10.1080/03612759.1997.10525297.
11. Marshall P. J. Oxford History of British Empire. Vol. 2. The Eighteenth Century. Oxford, 1998.
12. Roberts M. The Swedish imperial experience (1560—1718). Cambridge, 1979. doi: 10.1017/CBO9780511622274.
13. Pihlajamäki H. Claiming Authority: Criminal Procedure in Seventeenth Century Swedish Livonia // Bergen Journal of Criminal Law and Criminal Justice. 2013. Vol. 1, № 2. P. 80—97.
14. Ciesielski T. The Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia's expansion in the Baltic region in the 18th century // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 15. P. 118—134.
15. Gibson C. Absent Culture: The Case of Polish Livonia // Central Europe. 2015. Vol. 13, № 1—2. P. 132—134.
16. Хайде Ю. Ливония под властью Речи Посполитой. Борьба за власть и социальная трансформация // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 112—143.
17. Szabaciuk A. Organizacja samorządu ziemskiego szlachty bałtyckiej na terytorium Inflant w latach 1561—1920 // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska Lublin-Polonia. 2008. Vol. 63, sectio F. P. 67—78.
18. Tyszkowski K. Polska polityka kościelna w Inflantach (1581—1621). Wydawnictwa Instytutu Bałtyckiego, 1939. URL: <https://pbc.gda.pl/dlibra/publication/352/edition/4713/content> (дата обращения: 02.07.2020).
19. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5395> (дата обращения: 20.07.2020).
20. Матвеев А. А. Применение теории «path dependence» в исследовании институциональных преобразований в России // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 107—113. doi: 10.22394/1726-1139-2019-4-107-113.
21. Kasekamp A. A History of the Baltic States. Houndmills ; Basingstoke ; Hampshire, 2010. doi: 10.30965/25386565-01701020.
22. Wezel K. Transcending boundaries: Riga's Baltic German entrepreneurs in an era of nationalism, revolution, and war // Journal of Baltic Studies. 2017. Vol. 48, № 1. P. 39—54. doi: 10.1080/01629778.2016.1269434.
23. O'Connor K. The History of the Baltic States. Westport, 2003.
24. North M. Europa expandiert 1250—1500. Stuttgart, 2007.
25. Ewert U. C., Selzer S. Institutions of Hanseatic Trade Studies on the Political Economy of a Medieval Network Organisation. Frankfurt a/M ; N.Y., 2016. doi:10.3726/978-3-653-06851-2.
26. Wubs-Mrozewicz J. The Late Medieval and Early Modern Hanse as an Institution of Conflict Management // Continuity and Change. 2017. Vol. 32, special iss. 1 (Merchants and Commercial Conflicts in Europe, 1250—1600). P. 59—84. doi: 10.1017/S0268416017000066.
27. Oberlender E. Concept of the Early Modern Era and the History of Estonia, Vidzeme and Kurzeme (1561—1795) // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 2012. Vol. 85. P. 1—49.
28. Jacobson S., Andersen A., Bešlin B. et al. What is a Region? Regions in European History // Regional and Transnational History in Europe / S. G. Ellis and I. Michailidis (ed.). Pisa, 2011. P. 1—66.
29. Ivanovs A., Soms H. Origins of Regional Identity of Eastern Latvia (Latgale) and Approaches to its Investigation // Reģionālais ziņojums. Pētījumu materiāli. 2007. № 3. P. 41—50.
30. Plakans A. A Concise History of the Baltic States. Cambridge, 2011. doi: 10.1017/CBO9780511975370.
31. Jekabsons E. The Rule of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Territory of the Present Day Latvia (1561—1795): the State of Latvian Historiography // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 2012. Vol. 85. P. 32—56.

32. *Kamusella T.* Germanization, Polonization, and Russification in the partitioned lands of Poland-Lithuania // *Nationalities Papers*. 2013. Vol. 41, № 5. P. 815–838. doi: 10.1080/00905992.2013.767793.

33. *Koenigsberger H. G.* Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe. “Dominium Regale” or “Dominium Politicum et Regale” // *Theory and Society*. 1978. Vol. 5, № 2. P. 191–217.

34. *Elliott J. H.* A Europe of Composite Monarchies // *Past & Present*. 1992. Vol. 137. P. 48–71. URL: <https://www.jstor.org/stable/650851> (дата обращения: 20.07.2020).

35. *Gustafsson H.* The Conglomerate State: A Perspective on State Formation in Early Modern Europe // *Scandinavian Journal of History*. 1998. Vol. 23, № 3–4. P. 189–213.

36. *Kirby D.* Northern Europe in the Early Modern Period: The Baltic World, 1492–1772. N.Y., 1998.

37. *Pihlajamäki H.* Conquest and the Law in Swedish Livonia (ca. 1630–1710). A Case of Legal Pluralism in Early Modern Europe. Leiden ; Boston, 2017. P. 85–150. URL: <https://brill.com/downloadpdf/title/33908.pdf> (дата обращения: 03.07.2010).

38. *Drost A.* Historical Borderlands in the Baltic Sea Area Layers of Cultural Diffusion and New Borderland Theories: The Case of Livonia // *Journal of History for the Public*. 2010. Vol. 7. P. 10–24.

Об авторе

Павел Александрович Бархвостов, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Белорусский государственный экономический университет, Белоруссия.

E-mail: barakhvostov@yandex.by

<http://orcid.org/0000-0001-8943-5980>

THE REMAKING OF GEOPOLITICAL SPACE AND INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS: THE CASE OF THE BALTIC REGION

P. A. Barakhvostov

Belarusian State Economic University
26 Partizansky ave, Minsk, 220070, Belarus

Received 24 August 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-3
© Barakhvostov, P. A., 2021

This article adopts the historical neo-institutional approach to analyse the dissolution of the Livonian Confederation and the ensuing reshaping of the Baltic region in the 16th-19th centuries. These historical events are employed to describe the post-bifurcation incorporation of a society in a different social system. Several inclusion models are identified. The centralised model suggests that the incorporated society reproduces the institutions of the incorporating society. Modified institutions are transplanted to the incorporated society within the quasi-centralised model, whilst only selected modified institutions are transferred within the autonomist one. The author analyses the mechanisms playing a part in state mergers and emphasises their dependence on the institutional environment of the incorporating society. For instance, a part of Livonia was incorporated in the Polish-Lithuanian Commonwealth (PLC) through transplanting PLC institutions, primarily political ones, to the newly acquired territories. To this end, a mechanism was developed to encourage cooperation from the nobility without further stratification. Sweden, however, acted on the autonomist model when incorporating Estland and Livland. Economic, political, and socio-cultural institutions, many

To cite this article: Barakhvostov, P.A. 2021. The remaking of geopolitical space and institutional transformations: the case of the Baltic Region, *Balt. Reg.*, Vol. 13, no 3, p. 42–57. doi: 10.5922/2079-8555-2021-3-3.

of which were of hybrid type, were transplanted, whilst socialisation mechanisms and incentives applied to a wider section of the population. The Russian approach, which had at its core security considerations, combined autonomist elements (establishment of hybrid institutions in the new territories) and centralised components (propagation of Russian imperial institutions). The merger mechanisms included the creation of an Ostsee estate system and incentives for the higher estates coupled with repressions against commoners. Overall, the nature of state mergers and institutional transplantations depends on whether the incorporated territories have had a history of statehood, another significant factor being the degree of similarity between the institutions of the acquired territories and the metropole.

Keywords:

institutions, institutional transformations, social structure, empire, autonomy

References

1. Hendriks, F. 1996, *Beleid, Cultuur en Instituties, Het Verhaal van Twee Steden*, Leiden, available at: <https://openaccess.leidenuniv.nl/handle/1887/4972> (accessed 14.06.2020).
2. Durkheim, E. 1982, *The Rules of Sociological Method*.
3. North, D.C. 1990, Institutions, Institutional Change and Economic Performance, Cambridge. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>.
4. La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., Vishny, R.W. 1998, Law and Finance, *Journal of Political Economy*, vol. 106, no.6, p. 1113—1154. doi: <https://doi.org/10.1086/250042>.
5. Roland, G. 2000, *Transition and Economics. Politics, Markets and Firms*, Cambridge, Massachusetts.
6. Stiglitz, J. 1998, Distinguished Lecture on Economics in Government. The Private Uses of Public Interests: Incentives and Institutions, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 12, no. 2, p. 3—22. doi: <https://doi.org/10.1257/jep.12.2.3>.
7. Polterovich, V.M. 2001, Transplantation of economic institutions, *Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii* [Economic science of modern Russia], no. 3, p. 24—50 (in Russ.).
8. Dowd, A.C., Pak, J.H., Bensimon, E.M. 2013, The role of institutional agents in promoting transfer access, *Education Policy Analysis Archives*, vol. 21, no. 15, available at: <http://epaa.asu.edu/ojs/article/view/1187> (accessed 05.07.2020).
9. Mamadouh, V., De Jong, M., Lalenis, K. (eds). 2002, *The Theory and Practice of Institutional Transplantation. Experiences with Transfer of Policy Institutions*, Springer. doi: <https://doi.org/10.1007/978-94-011-0001-4>.
10. Judson, P.M. 1996, Exclusive Revolutionaries: Liberal Politics, Social Experience, and National Identity in the Austrian Empire, 1848—1914 (Social History, Popular Culture, And Politics In Germany), University of Michigan Press, Michigan, doi: <https://doi.org/10.1080/03612759.1997.10525297>.
11. Marshall, P.J. 1998, *Oxford History of British Empire. VII. The Eighteenth Century*, Oxford Univ. Press, Oxford.
12. Roberts, M. 1979, *The Swedish imperial experience (1560—1718)*, Cambridge Univ. Press, Cambridge. doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511622274>.
13. Pihlajamäki, H. 2013, Claiming Authority: Criminal Procedure in Seventeenth Century Swedish Livonia, *Bergen Journal of Criminal Law and Criminal Justice*, vol. 1, no. 2, p. 80—97.
14. Ciesielski, T. 2014, The Polish-Lithuanian Commonwealth and Russia's expansion in the Baltic region in the 18th century, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 15, p. 118—134.
15. Gibson, C. 2015, Absent Culture: The Case of Polish Livonia, *Central Europe*, vol. 13, no. 1—2, p. 132—134.
16. Heide, Y. 2014, Livonia under the rule of the Commonwealth. Power Struggle and Social Transformation, *Quaestio Rossica*, no. 2, p. 112—143 (in Russ.).
17. Szabaciuk, A. 2008, Organizacja samorządu ziemskiego szlachty bałtyckiej na terytorium Inflant w latach 1561—1920, *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska Lublin-Polonia*, vol. LXIII, Sectio F, p. 67—78.
18. Tyszkowski, K. 1939, Polska polityka kościelna w Inflantach (1581—1621), *Wydawnictwa Instytutu Bałtyckiego*, available at: <https://pbc.gda.pl/dlibra/publication/352/edition/4713/content> (accessed 02.07.2020).
19. Parsons, T. 1971, *The System of Modern Societies*, Paperback.
20. Matveev, A.A. 2019, Application of the Theory of «Path dependence» In the Study of Institutional Transformations in Russia, *Administrative consulting*, no. 4, p. 107—113. doi: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-4-107-113> (in Russ.).

21. Kasekamp, A. 2010, *A History of the Baltic States*, Houndmills, Basingstoke, Hampshire. doi: <https://doi.org/10.30965/25386565-01701020>.
22. Wezel, K. 2017, Transcending boundaries: Riga's Baltic German entrepreneurs in an era of nationalism, revolution, and war, *Journal of Baltic Studies*, vol. 48, no. 1, p. 39–54. doi: <https://doi.org/1010.1080/01629778.2016.1269434>.
23. O'Connor, K. 2003, *The History of the Baltic States*, Westport.
24. North, M. 2007, *Europa expandiert 1250–1500*, Stuttgart.
25. Ewert, U.C., Selzer, S. 2016, *Institutions of Hanseatic Trade Studies on the Political Economy of a Medieval Network Organisation*, Frankfurt am Main, NY. doi: <https://doi.org/10.3726/978-3-653-06851-2>.
26. Wubs-Mrozewicz, J. 2017, The Late Medieval and Early Modern Hanse as an Institution of Conflict Management, *Continuity and Change*, vol.32, Special issue 1 (Merchants and Commercial Conflicts in Europe, 1250–1600), p. 59–84. doi: <https://doi.org/10.1017/S0268416017000066>.
27. Oberlender, E. 2012, Concept of the Early Modern Era and the History of Estonia, Vidzeme and Kurzeme (1561–1795), *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*, vol. 85, p. 1–49.
28. Jacobson, S., Andersen, A., Bešlin, B., Göederle, W., Györe, Z, Muigg, M. 2011, What is a Region? Regions in European History. In: Ellis, S.G., Michailidis, I. (eds.) *Regional and Transnational History in Europe*, Pisa, p. 1–66.
29. Ivanovs, A., Soms, H. 2007, Origins of Regional Identity of Eastern Latvia (Latgale) and Approaches to its Investigation, *Reģionālais ziņojums. Pētījumu materiāli*, no. 3, p. 41–50.
30. Plakans, A. 2011, *A Concise History of the Baltic States*, Cambridge, doi: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511975370>.
31. Jekabsons, E. 2012, The Rule of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Territory of the Present Day Latvia (1561–1795): the State of Latvian Historiography, *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls*, no. 85, p. 32–56.
32. Kamusella, T. 2013, Germanization, Polonization, and Russification in the partitioned lands of Poland-Lithuania, *Nationalities Papers*, vol. 41, no. 5, p. 815–838. doi: <https://doi.org/10.1080/00905992.2013.767793>.
33. Koenigsberger, H. G. 1978, Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe. “Dominium Regale” or “Dominium Politicum et Regale”, *Theory and Society*, vol. 5, no. 2, p. 191–217.
34. Elliott, J. H. 1992, A Europe of Composite Monarchies, *Past & Present*, no. 137, p. 48–71, available at: <https://www.jstor.org/stable/650851> (accessed 20.07.2020).
35. Gustafsson, H. 1998, The Conglomerate State: A Perspective on State Formation in Early Modern Europe, *Scandinavian Journal of History*, vol. 23, no. 3–4, p. 189–213.
36. Kirby, D. 1998, Northern Europe in the Early Modern Period: The Baltic World, 1492–1772, NY.
37. Pihlajamäki, H. 2017, Conquest and the Law in Swedish Livonia (ca. 1630–1710). A Case of Legal Pluralism in Early Modern Europe. Leiden, Boston, p. 85–150, available at: <https://brill.com/downloadpdf/title/33908.pdf> (accessed 3.07.2010).
38. Drost, A. 2010, Historical Borderlands in the Baltic Sea Area Layers of Cultural Diffusion and New Borderland Theories: The Case of Livonia, *Journal of History for the Public*, no. 7, p. 10–24.

The author

Dr Pavel A. Barakhvostov, Associate Professor, Department of Political Science, Belarusian State Economic University, Belarus.

E-mail: barakhvostov@yandex.by

<http://orcid.org/0000-0001-8943-5980>